

ВЛАДИМИР ЯНСЮКЕВИЧ

Завтрак для людоеда

СБОРНИК

Владимир Янсюкевич
Завтрак для людоеда

«Издательские решения»

Янсюкевич В.

Завтрак для людоеда / В. Янсюкевич — «Издательские решения»,

В книгу включены: фантазм-памфлет «Завтрак для людоеда», спорадические миниатюры разных лет под общим названием «Глюки» (Заметки невменяемого), пародия на известного драматурга и исполнителя собственных театральных текстов, рассказ «Самодура» и Байки дедушки Пахома «Говорящая лошадь».

© Янсюкевич В.

© Издательские решения

Содержание

Завтрак для людоеда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Завтрак для людоеда сборник

Владимир Янсюкевич

© Владимир Янсюкевич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дружеский шарж на автора художника Игоря Макарова.

Завтрак для людоеда (Приятного аппетита!)

Сон разума порождает чудовищ.
Ф. Гойя

1

Это обычная история, хотя с первого взгляда может показаться и необычной, и даже фантастической. Это обыденная практика для обитающих на Земле людей, хотя чувствительным сердцам она может показаться и противоестественной. За всю историю человечества не было периода, когда бы одни люди во имя своих интересов – из чего бы то ни было: из лучших побуждений, грубости нравов, невежества, отсутствия воображения, мести, религиозного фанатизма или высокомерного представления о своей избранности – не унижали бы, не порабощали и не сживали со света других.

Древние мифы, сказки, легенды, сказания не врут. Пользуясь фантастическим инструментарием, они повествуют о том, что происходило на самом деле. (Разве только некоторые из них, в угоду чувству справедливости и чаянию большинства, отступая от истины, приукрашивают течение событий и приписывают историям счастливые концы).

И наше время не исключение в этом ряду. И когда мы спрашиваем сегодня – КУДА ИСЧЕЗАЕТ МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ (?), которым ещё слишком далеко до естественного исхода, то часто получаем в ответ бесконечные разглагольствования на отвлекающие темы: а) о сложности современного мира, б) о закономерности глобализации, в) о непредсказуемости человеческой психики, г) о коварстве внеземных цивилизаций, д) о злобных подземных духах, е) о демографическом дисбалансе и))) прочее и прочее – не хватит алфавита перечислять. И всё это расходится среди глупцов, как сложносочиненные биг-маки из Макдональдса. Однако для людей с головой вся эта высоколобая болтовня и смехотворные придумки являются свидетельством абсолютного неведения или, что ещё хуже, завуалированного запрета на полную информацию. И от знания правды нас оберегают отнюдь не в благих целях.

Но технический прогресс обесмысливает любые запреты и просочившиеся во всемирную паутину доносы о происходящих во всех уголках земного шара событиях, повергают нас в шок. Наш разум не в состоянии переварить открывшуюся реальность, о которой мы часто и не подозреваем, и потому ответ напрашивается с виду фантастический: ОНИ ИДУТ НА КОРМ ЛЮДОЕДАМ...

2

Иерохим, старый людоед, с каждым годом кряхтел всё громче и чаще. Всё его раздражало. Всё ему было поперёк. И ворчал без умолку. Даже свою любимую дочь, Мариолу, отчитывал по каждому пустячному поводу. То она, видишь ли, подала ему на завтрак печень простолоудина вместо печени аристократа. То подсунула сердце чиновника, а у того оно маленькое и жилистое, как мясо стервятника. То подложила колбасу из требухи обиралы-банкира, а то и того хлеще, какого-нибудь отъявленного работника ЖКХ или распоясавшегося блюстителя дорожного порядка – вонь на все этажи людоедского замка. То потчевала варёным языком не в меру горластого политика, а он, хоть и без костей, жёсткий, как дубовый корень. То ставила перед носом жареные мозги педофила или террориста. Мерзость! С души воротит!

– Папан, не привередничай! – грубо откликнулась Мариола на претензии старого людоеда. – Где я тебе возьму аристократа, окстись! Сам знаешь, на продовольственном рынке кризис. Люди с каждым годом делаются всё хуже и мерзопакостней. Потому что вытворяют на каждом шагу такое, что в моём людоедском мозгу не укладывается. И кормятся чёрт знает чем! Сплошь химия и нитраты! А наш Клан чересчур к ним лоялен. И тебе, как его главе, должно быть стыдно. Сами себя не уважают! Лучше бы припугнули их правительство! Мой муж не раз намекал тебе, но ты в результате послал его... и куда? В Америку! – У Мариолы навернулись слёзы на глаза. – А ему жирное противопоказано, у него с сердцем проблемы. И Михореи без отца страдает, пожалел бы внука.

– Выходила бы замуж за здорового.

У Мариолы моментально высохли слёзы. Она скрипнула зубами.

– А где они теперь здоровые? Скоро и сам-то, глядишь, превратишься в вегетарианца. Только должна предупредить: здесь тебя ожидает облом. Чистые экологические овощи и фрукты нынче чересчур дороги. И не факт, что они являются таковыми. Да ещё попробуй достань! А то сунут неизвестно какую дрянь под эту марку! Нынче и редиской можно отравиться. Так что лопай, что предлагают, и молчи в тряпочку!

– Мариола! – взревел Иерохим. – Как ты с отцом разговариваешь?!

– В соответствии с обстоятельствами. А ты, папан, с каждым годом становишься всё менее адекватным. Не чувствуешь реальности.

На этом и закончилась их последняя стычка. Мариола с грохотом поставила перед отцом мелкий пенис крупного бизнесмена в собственном соку, потерявшийся меж двух страусиных яиц поданных на гарнир, и хлопнула дверью. Да так хлопнула, что этот грохот прошёлся эхом по ста девяноста пяти государствам. Иерохим с досады поморщился.

И только внук, наивный и любознательный Михореи, пока ещё радовал сердце старого людоеда. Каждый вечер, перед сном, Иерохим присаживался рядом с засыпающим малышом и рассказывал очередную сказку на ночь. Но и сказки у него получались теперь на сказки непохожие, какие-то душераздирающие монологи, где вымысел был перемешан с гнетущей душу быльёю.

– Годы проклятые! – жаловался старый людоед внуку. – И ноги не ходят, и зубы на полке, и аппетит ни к чёрту. Вчера одним бухгалтером чуть не подавился. Никак прожевать не мог. Пока это я ворочал вставными челюстями, он, собака, у меня на языке кувыркнулся – с бумажками мухлевал. Он даже не понял, что ко мне в рот попал. Наверное, подумал, в конторе свет погас. Да я б его и не ел, пусть бы его наслаждался своей чёрной бухгалтерией, да никого лучше поблизости не было. И обстановка в мире – туши свет! Эти люди как с ума посходили со своими изобретениями. Уничтожают друг друга почём зря, то из пистолета подстрелят, то из автомата. А то пойдут из самолётов разбрасывать, или в океане топить. Уже по звёздам научились палить. И ведь попадают, оглоеды! Вон уже и на Луну забросили троих. Хорошенькие такие: в меру упитанные, весёлые, чистенькие и без вредных привычек. Разведывают, где ещё можно пожить. А на Марсе хотят, вишь, колонию основать. На Земле-то тесно стало, не развернёшься. Так ведь на Луне или на том же Марсе разве его достанешь! Что дальше будет, ума не приложу. Во времена моего пращура всё было куда проще.

– А кто такой пращур, дедушка?

– Наш предок. Которого слопал этот поганец... кот в сапогах.

– А почему он его слопал? – не отставал внук.

– Хвастун был несусветный.

– Кто, кот?

– Да не кот. Пращур. И фокусы любил показывать с превращениями. Кто его за руку тянул! Допревращался.

– Кто, кот?

– Дался тебе этот кот! Пращур, говорю! А ума при этом не нажил. Вот и пострадал из-за своей глупости. И тайну магии не успел нам передать. И наследство не оформил, как полагается... Всё в желудке у кота переварилось. Теперь мучайся из-за него.

– Как это?

– У него-то рацион был почище нашего, королевский. Как у всякого порядочного Великана-Людоеда. Бездна разнообразия. Превратился в льва – растерзал коосулю. Стал петухом – поклевал зерна. Влез в кабана – желудями или трюфелями полакомился... А мы теперь только людей жрать способны. А люди, сам знаешь, продукт неблагонадёжный и совсем не экологичный. Один злобой исходит – есть невозможно, сплошная кислятина! И никакая приправа не помогает. Другой – пьяница. Ешь его словно падаль проспиртованную! Третий на всякую химию нажимает – одни нитраты! А то ещё бывают бомжи, те помойкой воняют. Запомни, есть надо только кротких и добрых, и по возможности, обеспеченных – они самые вкусные. Деликатес, можно сказать. К сожалению, кроткие и добрые у них почему-то редко бывают обеспеченными. И ещё – бесстрашных. Трусы весь обед портят: перед едой внезапно дурной дух испустят. Весь аппетит пропадает.

Внук хлопнул густыми ресницами, захихикал.

– Да-да, а то и наложат... Защитная реакция, что ли. Короче, употреблять следует только хороших людей. От плохих бывает страшная изжога. Да вот беда, хороших-то почти не осталось...

– А куда ж они подевались?

– Подъели. За столько-то веков...

– А как их отличить?

– Ну, это просто. Подходишь ночью, спрашиваешь: как пройти в библиотеку. Если начинает объяснять, значит хороший человек, отзывчивый. Тут его и берёшь тёпленьким. Ему-то, хорошему, и в голову не придёт, что ты его слопать собрался. А плохой, он ждёт от тебя, что ты его слопаешь! Потому сам такой. Встаёт в позицию. Пургу всякую несёт, хоть уши затыкай. Приходится возиться с ним. Морока!

– Дедушка, а как плохой отвечает на вопрос «как пройти в библиотеку»?

– Да никак. Просто посылает тебя куда подальше.

– А куда?

– Тебе это знать пока не надо.

– И туда надо идти?

– Куда?

– Ну, куда тебя плохой человек посылает?

– Скажешь тоже! Не надо туда ходить. Это небезопасно. Заболеть можно. Тоже мне, ходок! Всё, на сегодня достаточно. Спи. Завтра продолжим.

3

На следующий день на заседании Совета Международного Клана Людоедов (МКЛ) Иерохим, как его Председатель, информировал присутствующих о надвигающемся продовольственном кризисе и поставил вопрос о гуманитарной катастрофе и в связи с этим об оказании срочной помощи малообеспеченным людоедам. Из двенадцати членов Совета его поддержали одиннадцать. Двенадцатый отказался голосовать без объяснения причины.

– Аргументируйте свой отказ, – потребовал глава Совета.

Вердухай, так звали двенадцатого, он же по иронии людоедской судьбы и отвечал за продовольственную программу, соорудил такую презрительную гримасу, что его мигом заподозрили в тайном пособничестве людскому сообществу.

– А чего тут аргументировать... – начал он, разглядывая лепнину на потолке зала заседаний. – Ни для кого не секрет, что людоедству скоро будет крышка.

– А поконкретней? – подал свой авторитетный голос Загребалкусман, финансовый воротила, владелец Международного банка людоедов (МБЛ) «ЗагребалБанк».

– Люди стали несъедобными. Куда уж конкретней.

– Да их уже за семь миллиардов перевалило! А наша нация столь малочисленна, что на всех хватит! И надолго. Неужели не из чего выбрать? – возразил Филоноза, уполномоченный по связям с международными людоедскими организациями и философ-самоучка. – Может, они нам специально подбрасывают гнилой товар? А всё хорошее при себе оставляют? Я всю жизнь размышляю о связи желудка с мозговыми извилинами, извините за отступление, и прихожу к выводу, что чем лучше мы питаемся, тем активнее функционирует наш умственный орган.

– Тоже мне бином Ньютона! – фыркнул Загребалкусман.

– Бином Ньютона совсем о другом, – на полном серьёзе поправил банкира философ. – Да-да, представьте себе! Тем больше хороших мыслей приходит в нашу людоедскую голову. А отсутствие доброкачественного продукта отрицательно влияет не только на телесную конституцию, но и на нашу духовность, господа людоеды! – с пафосом провозгласил господин Филоноза. – А ущербная духовность, в свою очередь, плохо влияет на культуру людоедского стола!

– И стула! – добавил не без юмора Загребалкусман.

– А что в этом смешного? И стула! Цивилизованный процесс испражнения не менее важен, чем цивилизованный процесс поглощения пищи. Отсюда и наше пониженное требование к духовности. Мы потихоньку деградирует, как культурная нация.

– Во завернул! – буркнул Вердухай.

– Я вчера ходил в наш Самый Большой театр (СБТ) на балет «Бахчисарайский водопровод»... И чему, представьте, я был свидетелем? Главная балерина, очевидно, неосмотрительно вкусив перед спектаклем недоброкачественного продукта, при каждом прыжке издавала такие неприятные звуки, каких не было в партитуре. И главное, поперёк музыки. Я потом справлялся у дирижёра. Он извинился за балерину и сказал, что она «несла отсебятину». А меня похвалил за тонкий слух.

– Терпеть не могу балета! – рявкнул Марахулл, глава Людоедской Службы Безопасности (ЛСБ).

– Но это ещё не всё, – продолжал Филоноза. – А главный балерун, сразу после поддержек то и дело бегал за кулисы. Мне потом объяснили, что у него незапланированное расстройство желудка и в связи с этим лёгкое недержание.

– Судя по вашему выступлению, – вставил слово Загребалкусман, – вы тоже перед заседанием съели нечто недоброкачественное.

– Что это он? Зачем? – обратился к Председателю растерявшийся Филоноза.

– Вы закончили? – спросил Председатель у философа.

– Ещё полторы фразы! О чём я... ага! За это передо мной тоже извинились. А заодно отметили мою наблюдательность.

– К чему это всё, уважаемый господин Филоноза? – прервал философа Вердухай.

– А вот к чему. Может, следует вывести их правительство на чистую воду и припугнуть каким-то образом?..

– Да, вы немножко отвлеклись, господин Филоноза, но в целом, похоже на правду, – резюмировал Председатель. – Вчера дочь *такое* на стол подала!.. Вслух сказать неприлично... чуть не блеванул, извиняюсь за выражение.

Его поддержал Марахулл:

– И я, прошу заметить, регулярно недоедаю. И не потому что аппетита нет, а попросту в рот не лезет вся эта дрянь, которую нам поставляют. За неделю похудел на сто килограмм. А для моей комплекции это катастрофа. С меня брюки сваливаются в самые неподходящие моменты. Да и вид у меня стал неавантажный. И меня это бесит. Многие уже не верят, что я директор ЛСБ. Стоило раньше выйти из машины, как все замолкали и в струнку вытягивались. А теперь всюду приходится предъявлять служебное удостоверение. На что это похоже!

– Да, людей становится всё больше и больше, – продолжил Вердухай, ободрённый замечанием Председателя МКЛ и подробным комментарием директора ЛСБ, – но они, к сожалению, всё хуже и хуже. Ни чести, ни совести, никакого чувства меры ни в чём и фатальное отсутствие сердца и мозгов. О печени и прочей требухе уж и не заикаюсь, сплошная желчь и цирроз. За последние сто лет ни один идеалист мне на зуб не попался. Одни авантюристы, грабители, бандиты, алкоголики и наркоманы, а то ещё хуже – циники и прагматики. Такое есть невозможно!

– А что вы предлагаете? Надо же что-то делать! – выкрикнул Филоноза с несвойственным философу эмоциональным посылом.

– Я предлагаю кардинально пересмотреть наши традиции и на употребление людей в пищу объявить временный мораторий, – вывел Вердухай и зажмурился в ожидании всплеска возмущения.

И не без причины. На пол мгновенно обрушился топот одиннадцати пар людоедских ног. Раздались громовые выкрики:

- Неслыханно!
- Видали умника!
- Да так мы с голоду подохнем!
- Изменник!
- Отступник!
- Отставку Вердухаю!

И тут поднялся Председатель.

– Господа людоеды! Уважаемые подельники! От вопроса, поставленного господином Вердухаем, несёт пораженчеством, но...

– Но? – воскликнули все, как один.

– ...просто так отмахнуться от него нам не удастся. Проблема существует. И она требует серьёзного и всестороннего осмысления. Именно поэтому я сегодня сделал наше заседание закрытым. Надеюсь, всё, о чём мы здесь говорим, останется между нами.

Члены Совета закивали головами и пробурчали что-то невнятное себе под нос, с недовольством поглядывая в сторону господина Вердухая. А Председатель продолжил:

– Будущее поколение набирает силу и, если будет благоразумным, вскоре возродит былую славу людоедства. Мой внук, например, тянется к людоедству вполне сознательно. И это, надеюсь, результат моих частых бесед с ним. Я ему на ночь в общих чертах пересказываю нашу историю.

Послышались возгласы одобрения. Кто-то начал аплодировать. Посыпались вопросы.

- И как он реагирует?
- Правильно реагирует.
- Слушает внимательно?
- Не сводит с меня глаз и сам задаёт вопросы, если что-то непонятно.
- А про кота в сапогах рассказывали?
- Про кота в первую очередь.
- А сколько лет вашему внуку?
- Завтра семь исполнится. В школу пойдёт.
- А не рано ему толковать о нашей истории?

– В самый раз. Он у меня смышлённый. Не то, что его папа. Писателя от доносчика не смог отличить... – проворчал Председатель себе под нос, а затем обратился к Совету. – Минутку внимания, я не закончил. Одно хочу нашим молодым людоедам посоветовать: берегите людское племя, ухаживайте за ним ежедневно, и тогда люди будут абсолютно безвредными и очень вкусными. И чем раньше наша молодёжь будет об этом знать, тем светлее видится мне наше будущее. И тогда за наш людоедский рацион можно будет не беспокоиться. То, что мир людей постепенно и неуклонно сходит с ума, известно давно. Однако чем дальше, тем больше. Но если бы каждый не посчитал за труд включить голову и умерить свои, часто неправомерные, амбициозные аппетиты, падение в чёрную дыру сумасшествия не было бы столь стремительным. Так помогите им стать нормальными людьми! Сумасшедшие, как вам уже известно, отвратительны на вкус.

– И каким образом, господин Председатель, вы предлагаете беречь людское племя? – поинтересовался с ухмылкой Марахулл.

– Надо наставлять их, оберегать от необдуманных поступков и скверных мыслей. А то они уже переходят все рамки разумного. Самец спаривается с самцом, понимаете ли! Самка с самкой! Они хотят, видите ли, наслаждаться, а нам с вами остаётся глотать их старые кости или довольствоваться их прогнившим с рождения молодняком! И этот процесс как однажды пошёл, так и идёт полным ходом. Каким-то образом следует всё это контролировать.

– А что если нам организовать питомник и выращивать людей на корм в особом отстойнике? Построить нечто вроде Города Солнца... – предложил Филоноза.

– В резервации, хотел сказать, – поправил Марахулл.

– Пусть будет резервация. Солнечная резервация. Тогда исчезнут проблемы с экологией! Председатель усмехнулся.

– Сразу видно – говорит теоретик. Всё это мы уже проходили. Люди, выращенные в неволе, ещё менее пригодны в пищу, чем, скажем, убийца или алкоголик.

– Почему? – не унимался Филоноза.

– Те же нитраты. Только в ещё большем количестве. Вам же захочется, чтобы они росли быстрее, и вы станете их перекармливать. А это во вред любому организму. Ваша философия, господин Филоноза, излишне прекраснодушна, потому что герметична. Она никак не соотносится с реальностью. Рабская психология, к вашему сведению, делает людей искусственно жизнерадостными. Отсюда раннее и бурное цветение и полное отсутствие созреваемости. То есть, они неспособны к самостоятельным шагам. А это отрицательно влияет на усвояемость продукта.

– Да не может быть!

– Я вам говорю! Я на этом не одну собаку съел.

– А если искусственно осеменить?

– Не говорите о том, чего не понимаете. И что ещё хуже, такая пища провоцирует возникновение неизлечимых заболеваний. Попадание в наш организм болезнетворных бактерий типа *палочки сострадания* или *микроба доброжелательности* чревато уничтожением людоедского менталитета. Где ваше людоедское достоинство! Подумайте о своём здоровье и судьбе нации. Человек, то есть, продукт, сам должен добывать себе пропитание, как и повелось испокон веков. Он должен быть диким, а не домашним. Надо оставлять за ним право думать, что он свободен. А когда он свободен, то и вполне съедобен. И выделять средства из казны на сомнительные предприятия подобного рода я не намерен.

– Ну, что ж, убедили, – стусевался Филоноза.

Большинство членов Совета МКЛ признало проблему, и для некоторых выход из неё напрашивался совершенно определённый. Загребалкусман, например, предложил немедленно применить жёсткие санкции к людскому сообществу.

– А именно? – поинтересовался Председатель. – Что вы имеете в виду?

– Заморозить их счета, заблокировать Бархатное соглашение и не пускать их на нашу территорию. Пусть развлекаются в своём свинарнике, в окружении собственного дерьма. И выждать. Через год, второй, они сами подохнут.

– Опять двадцать пять. Послушайте... – возразил Председатель, слегка откашлявшись. – Эмоция – плохой советчик. Сейчас мы ничего не решим. Мораторий, конечно, не выход, согласен. Питомник, какой бы он ни был солнечный, разумеется, – нет. Всё это уже было и ничего хорошего нам не принесло. Надо смотреть на вещи практичней. Но и отставка господина Вердухая не добавит нам доброкачественного продукта в наше меню. А санкции, уважаемый банкир, тоже могут выйти нам боком. Думайте, прежде, чем говорить. Вы рубите сук, на котором сидите. Если они все подохнут, как вы полагаете, то вслед за ними и мы деградируем, как людоеды. Потому что совершенно останемся без традиционной пищи. И как нам тогда называться? Козлоедами? Быкоедами? Рыбоедами? Травоедами? Или, что совершенно недопустимо, Гуманоидами?

Загребалкусман задумался и спросил:

– А что же делать?

– Предлагаю в рабочем порядке создать комиссию по выяснению реального положения дел на продовольственном рынке и разработке конкретных мер по преодолению свалившегося на наши головы кризиса.

За предложение Председателя проголосовали единогласно. И на этом заседание Совета МКЛ было завершено.

4

Дело было к вечеру, и четыре члена МКЛ, а именно: Иерохим, Загребалкусман, Вердухай и Марахулл, отправились в клуб людоедов «Моржовый ус» выпить по стаканчику спиртного и перекинуться в дурака. Им предоставили отдельный кабинет, и игра началась.

– А я вчера одного режиссёра оприходовал, – похвастался Марахулл, сдавая карты. – Деликатес. Такой аппетитный попался. Рыгал весь вечер.

– Кто, режиссёр? – сострил Загребалкусман.

Людоеды громко загоготали.

– Киношника? – поинтересовался Вердухай.

– Зачем!.. Твой ход, господин Загребалкусман! Киношники – паршивый продукт. У них сперма ядовитая. Поскольку от частого возбуждения не успевают выработаться в нужной консистенции. Чего-то там не хватает. А они всегда её выпускают, когда его на вилку насаживаешь. Как лесные клопы-вонючки. То ли удовольствие получают от этого, то ли защитная реакция... Моя благоверная съела однажды киношника, не досмотрел. Так чуть не забеременела, господа! Да-да, внематочная беременность! Доктор сказал. Еле откачали. Потому что кино – та же порнографическая фотка, только в движении. А уж съёмки – сплошной свальный грех.

– Вы, поди, ничего кроме порнофильмов и не смотрите, – съязвил Вердухай. – Есть и другие...

– Я смотрю то, что смотрю, – парировал Марахулл. – А вот театральный режиссёр совсем другое дело! Как говорится, театр начинается с вешалки, а кончается туалетом. Хороший режиссёр попался, оригинальный на вкус. С постмодернистской начинкой. И приправа не понадобилась. Давно такого не пробовал. Правда, вначале он покочевряжился малость, руками размахивал, упирался, а под конец выкрикнул какие-то две нелепые фразы, я так и не понял, что они означают...

– Какие фразы? Против нас? – поинтересовался Председатель.

– Да нет! Типа «искусство не умирает вместе с художником!» и «художник всегда прав!», и спёкся. Так что в результате слегка горелым попахивал и меня чуть не пронесло. Пришлось закусить артисточкой из той же оперы. Славненькая попалась, пухленькая, молоденькая. Правда, как артистка никудышная. Ненатурально играла, с какими-то кошачьими ужимками, с придыханиями. А вот роль десерта сыграла великолепно – так естественно и мило огорчилась, когда я её ко рту поднёс... я чуть не прослезился и проглотил целиком, не жуя. И что любопытно, господа, на вкус в ней что-то было от режиссёра, которого я до этого слопал.

– Видно, спелись, – заключил Загребалкусман.

Марахулл погладил себя по животу, мечтательно улыбнулся:

– Так что дело не в таланте, господа. Главное, чтобы ножи, грудка и всё прочее было на месте.

– Да что ты всё об искусстве да об искусстве! – вставил Загребалкусман. – А я вчера одним бизнесменом средней руки полакомился, господа! Вот на кого надо наседать. Они настолько энергичны и самоуверенны, что им и в голову не приходит, что вполне съедобны.

– А этот сейчас про коммерцию заведёт, – пробубнил Вердухай и вдруг вспыхнул, ухватив Загребалкусмана за рукав. – Э-э! Не жульничай! Туза королём кроет, видали!

– А про что нам ещё говорить? – озлился Марахулл. – Про политику? Да пропади она пропадом! С души воротит! Меня, например, успокаивает, когда про еду говорят. Потом лучше сплю.

– А Загребалкусман жульничает! – ещё раз напомнил игрокам Вердухай.

– Да пошёл ты... – огрызнулся Загребалкусман. – В свои карты смотри! Вегетарианец хренов!

– Господа, соблюдайте приличия! – провозгласил Иерохим. – Выражения типа «пошёлты!» и «твоюмать!» надо озвучивать в полном объёме или не употреблять вовсе. А то найдутся такие – подумают о чём-нибудь нехорошем. Проявляйте уважение к народной речи. А вот вы ещё, уважаемый Марахулл, сказали «театр начинается с вешалки», правда, про туалет не припоминаю... Это спорное утверждение на нынешний момент. Раньше так было, слышал. А нынче по-другому. Не знаю уж, с чего он теперь начинается, но что кончается вешалкой совершенно определённно. ТАКОЕ показывают – повеситься хочется! Сдайте карты, господин Вердухай. И прошу вас играть повнимательней. Других уличаете, а сами... нехорошо. Вы скоро туза двойкой будете крыть!

– Я не нарочно... Меня возмутило жульничество господина Загребалкусмана. Я нервничаю...

– Это, наверное, оттого, что вы встали на путь воинствующего вегетарианства, – подытожил Иерохим.

Кабинет содрогнулся от хохота трёх людоедов.

– А я тут... кстати... между прочим... к слову сказать... как-то одного коррупционеру подхватил, – вдруг стал оправдываться господин Вердухай, видимо, желая окончательно дистанцироваться от приписываемого ему вегетарианства.

– Подхватить можно только заразную болезнь, – грубо оборвал Вердухая господин Загребалкусман. – Коррупционеры вообще несъедобны! Его с какого боку ни возьми – смердит тюргой, хоть тресни!

– Согласен, – поддержал банкира господин Председатель. – Паршивый продукт! Его только в крайнем случае можно. С голодухи.

– Да, нет, я серьёзно! Вполне безобидный попался, – настаивал господин Вердухай. – Брал по мелочи. Видать, у него с головой проблемы были...

– Или никто больше не давал! – подхватил на смех Марахулл.

Но Вердухай мужественно завершил рассказ о своём завтраке.

– Ничего, съел в охотку. Даже не рыгал. Только вот со стулом была задержка...

Фраза господина Вердухая о стуле была жестом примирения со своими насмешниками.

В общем, хорошо посидели, расслабились на славу. Выиграл, как и следовало ожидать, Загребалкусман. Иерохим остался в дураках один раз, Марахулл – три, а Вердухай – целых восемь. Проигравшие сбросились на выпивку, и большая часть денег пополнивших кассу клуба, пришлась на кошелек господина Вердухая, получившего после нынешнего заседания Совета прозвище Вегетарианец. Потом, как и полагается, загнали его под стол и заставили прокукарекать восемь раз кряду. Остальные откупились деньгами.

Под конец игры вдоволь напившись и повеселившись, три людоеда пригрозили четвертому, что если он где-нибудь и когда-нибудь во всеулышание вякнет о своей склонности к вегетарианству, они его самого, в обход людоедского закона «не есть своих», вымочат в уксусе, нашьпигуют трын-травой, зажарят и подчистую слопают на дружеской вечеринке.

5

На ужин Мариола предложила отцу отварную вырезку из спины наёмного футболиста и хорошо прожаренные почки популярной писательницы.

– Чем ты меня кормишь? – возмутился Иерохим. – Мясо воняет потом, а от почек несёт тошнотворным гламуром! Словно пудру смешали с омолаживающим кремом да ещё добавили туда ложку помады для цвета да шампанского для куражу и подали в качестве питья! Смерть для моего старого организма!

– Папан, не начинай. Я тебе всё вчера высказала. И пока ваш МКЛ будет бездействовать, ничего другого предложить не смогу. Так что утри свою мудрую бороду и жуй, что дают.

И снова, как и в прошлый раз, старый людоед отвёл душу, разговаривая перед сном с внуком.

– Я тебе открою страшный тайну, малыш: наш род происходит от людей.

– От людей? – удивлённый внук широко раскрыл рот.

– По теории нашего старого учёного позапрошлого века, Чарла Барвина, наш род, род Людоедов, ведёт своё начало от обезьяноподобных человеков. Есть, правда, гипотеза, будто людоедское семя было занесено на землю с других планет...

– Значит, мы – инопланетяне?

– Маловероятно. Такого, как у нас, нигде не может быть. Я же говорю, гипотеза. Для дураков. Чистокровный людоед – определённо детище матушки-земли. У нас немало традиций чисто земного свойства. К примеру, раньше, когда кто-то клялся, ему говорили: «Ешь землю!» И он ел. А на других планетах земли просто нет. У нас много чего было интересного. Были и свои кумиры, на которых мы воспитывались. Один Отец народов чего стоит. Или тот же Фюрер, к примеру. Их аппетиту можно было позавидовать. Столько людей за свою жизнь пожрали, нам и не снилось. Были, конечно, и отщепенцы, воинственно вставшие на путь вегетарианства.

– А как их звали?

– Тебе не надо знать.

– Ну, дедушка, назови хоть одного!

– Ладно, не канючь. Не люблю этого. Лет сто назад был один Граф... всё мужика из себя изображал, бородой землю пахал, девок, словно кур, шупал. Но его отлучили от нашего стола, и о нём, к счастью, в истории людоедства не принято говорить.

– Почему?

– Дабы не оскорблять память предков отказом от привычного рациона. Если бы мне кто-то сказал раньше, что я когда-нибудь откажусь от людоедства, раскаюсь, я бы не плюнул ему

в лицо, как это делают некоторые слабаки из нашего рода, нет, и я бы не стал съедать его за один присест по примеру наших Собакевичей, а отрезал бы по маленькому кусочку и употреблял бы, как лакомство, как деликатес, смакуя и тщательно пережёвывая. Конечно, со временем с удовольствием у нас возникли проблемы...

– Проблемы? Какие, дедушка?

– Ох, и не спрашивай... продукт стал, мягко говоря, недоброкачественный.

– А почему недоброкачественный?

– Прогресс донимает.

– Как это?

– Ну, как тебе сказать, попроще... бессортица пошла в ход. Ещё лет сто назад было из чего выбрать. А теперь всё перемешалось... Видишь ли, съедобность человека зависит от места рождения, образа жизни, от пищевого рациона, ну, от профессии, конечно, и от занимаемой должности. И от пола, разумеется. Баба и мужик всегда были очень разные на вкус. Баба всегда была ядрёней, а мужик острее. А теперь... не различают, – Иерохим безнадежно махнул рукой. – Но самое нежное и вкусное мясо когда-то было у крестьянских детей, оно экологически чистое. А сейчас крестьян ноль целых ноль десятых. Все в город подались. Всё так перемешалось... Одна химия да нитраты. И алкоголь. От алкоголя у людей мясо делается горьковатым. Да и желчи хватает. А то ещё курильщики бывают. Его, конечно, съесть можно, хоть он и табаком приванивает. А внутренности гнилые – сразу на помойку. Одна поганая слизь. Такой продукт пошёл, что хоть не ешь – вымачиваешь его в артезианской воде, вымачиваешь, а он, собака, всё равно горчит! Да что мы всё о еде да еде!

– Ну, дедушка! Так интересно!

– Интересно ему, вишь! Раньше у нас Кодекс чести беспрекословно соблюдался: своих не есть.

– А теперь?

– А теперь из-за отсутствия экологически чистого продукта никто не может положиться, что и в Кодексе не грядут изменения. Вот недавно меня на наше телевидение приглашали, просили поделиться кулинарными секретами прошлого и настоящего. Я, конечно, не стал информировать о нынешнем положении вещей. И говорил больше о меню из прошлого. А ведь сегодня возникла реальная опасность быть съеденным своим же собратом. А телевизионщикам палец в рот не клади, руку откусят. Могу рассказать, что я там наговорил, если хочешь. Ты же телевизор не смотришь.

– Мама не разрешает.

– Да ты всё равно б не увидел – ночью показывали. Начал я с того, что перед едой продукт надо тщательно обчистить. А то и зуб сломать недолго.

– Почему?

– Как почему! Попадётся какой-нибудь там ключик от квартиры, где деньги лежат, или кошелек со стальными заклёпками... тут нужен глаз да глаз. Потом обмыть. Затем, если слишком большой, расчленив по заданной схеме, разложить по сортам. А тогда уж готовь, что тебе нравится. Раньше-то мы живьём глотали. А теперь в связи с недоброкачественностью продукта на огне обжигаем или варим. И тут уж дело вкуса. Хочу предупредить: ребёночек или, попросту, дитятина в нынешних условиях – незрелый продукт. Раньше – да, а сейчас – нет. Да и всякую химическую дребедень сосут не переставая. И живую химию пьют типа всякой колы. Лучше не рисковать. Пусть он сначала подрастёт, образумится, нальётся соком, выучится чему-нибудь полезному, устроится на хорошую работу, женится по любви, народит детей, словом, глотнёт счастья под завязку – вот тогда мы его и слопаем в охотку! Мозги – лучший деликатес. Есть надо запечённые в духовке в фольге и обязательно десертной ложкой. Лучше серебряной.

– А почему серебряной?

– Для дезинфекции. И опять же не всякие мозги хороши. Надо выбирать такие, в которые ещё ни одна мыслишка не забредала. Они мягкие и нежные, как печёночная паста на сметане. Одним словом, невинные мозги. К счастью, такого добра пока навалом. Затем нужно учитывать род занятий продукта и занимаемые им должности. Начальство, к примеру, есть можно только глазами, а в рот – ни боже мой!

– Почему?

– Можно насмерть поперхнуться. Ну, если только в порядке исключения, грудинку, скажем. Она холёная и потому не застревает в зубах. Зато задняя часть очень жирная. А мозгов на микроскопическую порцию, да и то они какие-то сильно пахучие, то ли от застойных процессов, то ли от обилия задних мыслей. Словом, здесь следует воздержаться. Также спортсмены и авантюристы малосъедобны. Мясо у них жилистое, в нём много адреналину, а он потом отдаёт. Да и всякие допинговые препараты дают о себе знать. Также труссы неприятны на вкус. У страха мерзкий запах, вроде сероводорода с примесью какой-то невообразимой тухлятины. Ну, и не лишним будет сообщить тебе, что людоедство всегда подразделялось на международное, национальное и местечковое. Но в последнее время мы, людоеды, склонны к глобализму. Пищу следует разнообразить. Нельзя отставать от времени. Не то получишь несварение желудка. Французы – ничего, правда, иногда лягушатинной отдают или морепродуктами. Хотя от постоянного употребления вина, мясо у них нежное и ароматное. Мой прапрадед даже Наполеона как-то хотел попробовать... правда, он был нечистый француз, корсиканец. Но понюхал и отпустил.

– Почему?

– Порохом от него несло за километр. И тщеславием. У тщеславия вкус протухшей рыбы. А вот итальянцы из-за их любви к пению, перевариваются не сразу. Целый час потом от них рыгаешь, словно тебе хочется спеть один в один, кого съел, а голоса Бог не дал. Испанцев следует есть охлаждёнными...

– Почему?

– Уж больно горячие. После них тянет на поножовщину. Японцы тоже... то ли рыбой пованивают, то ли крабами, но съедобны. Англичане до смешного напыщенны. Корчат из себя аристократов, хотя на самом деле всё это в прошлом. Куда ни зайдёшь – «сэр! сэр!» Откроешь дверь в сортир, тебе тут же бумагу протягивают для подтирки – «сэр!» Даже если ты не сэр. С утра налегают на овсянку и потому слишком худосочны. И спортом увлекаются, а от спорта – жилистость. Немцы – тоже не фонтан. Во всём пунктуальность и расчёт. И некая упёртость часто не по делу. А от этого продукт суховатый получается. Умники, а сердца никакого. Сочности не достаёт, как ни приготовь. А от русских нынче уж больно несёт то снобизмом – а это ой какое вонючее вещество! – то дохлятиной. Больше, конечно, – дохлятиной. Хотя от снобизма такой дикий запах, что иногда перебивает и дохлятину. Правда, бывают и такие, что цимис! Пальчики оближешь. Они себя называют интеллигенцией – учёные, музыканты, писатели, философы. Ну, ещё инженеры. Но таких основательно подъели за последние сто лет. Поэтому надо переходить на американцев. У тех снобизм в рамках государственности и общий запах пока нейтральный. Правда, жирного много. Но жирных – перетопить на сало, впрок! А в меру упитанных – на шашлык! И еще они, дураки, думают, что свободные. А это придаёт продукту пикантность. Американцев ещё лет на двадцать хватит, а там придётся за китайцев приниматься. Их рынок и сейчас зашкаливает. Но я, слава богу, не доживу. У меня аллергия на желтизну.

– А на востоке, дедушка, есть продукт?

– А как же. Но тут надо различать дальний восток и ближний. Дальний ещё куда ни шло. А вот с ближним лучше не связываться.

– Почему?

– Ну, как сказать... восток – дело тонкое. Он может тебе и улыбаться, и даже сам в глотку полезет. А за пазухой у него может при этом оказаться заряд с немислимым тротиловым эквивалентом. Не заметишь, съешь его, а потом и до туалета не добежишь. Разорвёт тебя на куски в самом неподходящем месте.

– Значит, надо хорошенько обчистить его до этого?

– Соображаешь! Обчистить, да потом положить в бетонный бункер на какое-то время, чтоб отлежался.

– А зачем в бункер?

– А вдруг он проглотил его, этот самый эквивалент. Так уж пусть самого разорвёт. А вообще, я тебе так скажу: человека надо брать на свежачка. Если его вовремя не съесть, он начинает думать о себе, что несъедобен и развивается не в ту сторону. Пудрит мозги другим... А там, знаешь ли, и до насильственной смены власти недалеко. И сейчас людоедство подошло вплотную к этому рубежу. И ему грозит если не гибель, то неотвратимое банкротство. Надо принимать решительные меры к модернизации продовольственного сектора. Подрастёшь, займёшься этим. Перспективная, между прочим, работа. Это тебе не адвокатура. Можно достичь невообразимых высот, если поднатужиться... Я тебя потом на телевидение сосватаю, будешь вести какую-нибудь кулинарную программу типа «Смак». Или там «Цимис», к примеру. Как назовёшь, так и будет.

– А если я назову «Кот в сапогах»?

– Тогда лучше не приходи домой. Хочешь, чтобы меня кондрашкахватила раньше времени? Тоже, придумал!

– А кто такая кондрашка?

– Состаришься, узнаешь. Да, совсем забыл... про индусов... так вот индуса есть небезопасно.

– Почему, дедушка?

– А он, собака, реинкарнирует потом в кого-то ещё.

– А как это... реин... карнирует?

– Ну, перевоплотится в другого, значит. У них это запросто. И будет помнить, что ты его съел в прошлой жизни. И станет тебе мстить. Нарочно нажрётся какой-нибудь несусветной гадости, а тебя потом пронесёт со страшной силой. Или живот скрутит до самого немогизма. А то и заворот кишок может случиться... Или, того хлеще, третий глаз вылупится где-нибудь в неподходящем месте... и станет подглядывать, стервец! А я не этого люблю.

– В каком месте, дедушка?

– Так тебе и скажи.

– Ну, скажи, дедушка, а то я не усну, пока не узнаю.

– У индусов – на лбу обычно. А у нас и на заднице может выскочить или ещё где... тьфу-тьфу-тьфу! Смотря, что тебя больше интересует. Так что надо остерегаться... Ладно, спи. Завтра продолжим.

6

Людское сообщество в панике. Клан Людоедов объявил ему ультиматум: в течение месяца решить проблему с поставкой доброкачественного продукта, согласно Бархатному соглашению, иначе людоеды ни за что не отвечают и даже готовы пойти против своих продовольственных интересов и уничтожить почём зря всех подряд. В тот же день Премьер созвал министров на экстренное совещание.

ПРОТОКОЛ

экстренного заседания правительства

от 5 марта Третьего тысячелетия
(видеозапись прилагается).

ПРЕМЬЕР (*он заметно нервничает*). Господа министры, господа помощники, я только что из представительства МКЛ. Посол сообщил о сроках новых поставок продукта и особо предупредил о качестве. Людоеды выказывают недовольство. Поэтому сегодня в срочном порядке обсуждаем наиважнейшую проблему... Можно сказать, жизненно важную... проблему своевременного обеспечения Клана Людоедов качественным продуктом. Мы их должники. И отступать некуда. Прошу высказываться.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. У меня встал вопрос. И требует удовлетворения.

Общий гогот.

ПРЕМЬЕР. Посерьёзней, господа! (*Военному министру*). Что за вопрос?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А как же двухстороннее Бархатное Соглашение? Разве сроки не истекли?

ПРЕМЬЕР. Спихватился! Вы что, никогда в правительственные документы не заглядываете?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Я в них ничего не понимаю.

ПРЕМЬЕР. А напрасно. Предыдущее правительство пролонгировало Бархатное Соглашение на двадцать пять лет. И нам его ни за что не отменить. Кишка тонка. Так что ничего не остаётся, как исполнять его. А вот с исполнением у нас возникли неожиданные трудности.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР (*стукнул кулаком по столу*). Ух, долбоё... извините, кретины!

ПРЕМЬЕР (*почесав подбородок*). Не думаю. Воевать с людоедством нам пока не по силам. Министр здоровья, а вы почему молчите?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Ему сказать нечего. Он пока здоров, а остальные, как хотят.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ (*лукаво посмотрел в сторону министра Здоровья*). Смотрите-ка, удобную позицию выбрал – молчит и улыбается!

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Я не улыбаюсь. У меня лицо такое. Мне ещё мама об этом говорила, когда я в садик ходил...

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Ходить надо в сортир, а не в садик.

Общий гогот.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Солдатский юмор.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А какой он должен быть у военного министра?

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. По крайней мере, генеральский.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А вы думаете, есть разница?

ПРЕМЬЕР. Господа, господа! Призываю к корректному поведению. Пора привыкнуть. У него действительно такое лицо. И поначалу кажется, что он идиот. Правда, иногда и на самом деле... Против природы не попрёшь. (*Обращаясь к министру Здоровья*). Как у нас со здоровьем людей?

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ (*хлопает глазами, улыбаясь*). Работаем. Пока всё идёт нормально, по плану. Старые вовремя умирают, новые... простите, молодые раньше времени выздоравливают.

ПРЕМЬЕР. У вас, как ни спросишь, всегда всё нормально. Где ж нормально, если МКЛ жалуется на недоброкачественность... как его?..

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. Продукта, господин Премьер.

ПРЕМЬЕР. Вот именно, продукта. И по какому плану вы работаете?

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Просто у большинства людей нет хороших лекарств. И потому они болеют.

ПРЕМЬЕР. Так обеспечьте. На то вы и министр.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Зарубежные – дорого. А отечественные – как мёртвому припарки. А то ещё и отравиться можно.

ПРЕМЬЕР. Слушайте, не рассказывайте сказки! В этом году на медицину в бюджет заложено вдвое больше, чем в прошлом. Едите вы их, что ли, эти деньги? Президент за это по головке не погладит.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. По чьей головке?

Военный министр вдруг заржал.

ПРЕМЬЕР. Ещё один шутник объявился... Министр Экономики, вы на чьей стороне?

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. В смысле?

ПРЕМЬЕР. Я неясно выразился?

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ (*уклончиво*). В этом году наша экономика не то, что в прошлом. Или, скажем, лет десять назад. А даже как-то наоборот. Если посмотреть внимательно. Я плотно занимаюсь вопросами экономики.

ПРЕМЬЕР. Так плотно, что во многих местах дыры образовались. Протёрлись, наверное, от плотного общения.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. Нарращиваем капиталы.

ПРЕМЬЕР. И в каком месте вы их наращиваете, хотелось бы знать... ладно, об этом после. Так что мы можем ответить МКЛ? Ваши предложения.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. Можем предложить пока закупать зарубежный продукт.

ПРЕМЬЕР (*махнув рукой*). Это они и без наших рекомендаций делают.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. Клан всегда насаждал на село. Потому что там никогда ни лекарств не было, ни химии всякой. Сплошная экология. Пусть они им и подавятся.

ПРЕМЬЕР. Во-от! Уже наклёвывается какая-то определённая, если опустить последнюю фразу. А, министр Села?

МИНИСТР СЕЛА. Дохлый номер.

ПРЕМЬЕР. Что значит, дохлый? Почему? Опять птичий грипп? Или свиная лихорадка?

МИНИСТР СЕЛА. Птичий грипп и свиная лихорадка тут ни при чём. Село основательно подъели ещё лет эдак... назад. Никакой перспективы. Почти никого не осталось. С кем работать?

ПРЕМЬЕР. Ну не знаю, о чём вы раньше думали.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. А что если им отдать пенсионеров и детские дома?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР (*горячо*). Ни в коем случае! Накалим обстановку.

ПРЕМЬЕР. Аргументируйте, пожалуйста.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. Он за ветеранов заступается.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А хотя бы и за ветеранов. Чем они вам насолили?

ПРЕМЬЕР. Говорите по существу.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Во-первых, пенсионеры... жёсткие. Старый людоед, извиняюсь за выражение, может оставшийся зуб сломать. А нам потом отзовётся.

ПРЕМЬЕР (*опустил глаза и через паузу продолжил разговор*). А во-вторых?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А во-вторых, если уж говорить начистоту... невкусные. Болячек много.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Кто это вас надоумил? Или вы их сами, лично, пробовали?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Это провокация. На глупые вопросы не отвечаю.

ПРЕМЬЕР. Действительно, такая осведомлённость настораживает. Вы, случайно, не по ту сторону баррикад? А то я устрою вам внезапную проверочку, знаете ли. «Оборотни в погонах» и прочее...

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вы меня обижаете недоверием. Я подам в отставку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да ладно. Шучу.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ (*с напором*). А почему детские-то дома нельзя?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Потому что дети – незрелый продукт.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Ну, это несерьёзно. Тогда вам, господин министр, следует отказаться от телятины. Я слышал, вы на телятину налегаете.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А при чём здесь телятина? Телятина это скот. Не знаю, как хотите, а призывников я им ни за что не отдам! Самому нужны.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Выразайтесь яснее. Для чего они вам нужны?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Да заткнись ты, салподеин просроченный!

ПРЕМЬЕР. Тихо, тихо! Это что такое? Наше заседание записывается. Какую же видеозапись я покажу президенту! Совсем оборзели!

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А вы ему подсуньте прошлогоднюю. Как всегда делали.

ПРЕМЬЕР. Военный министр! Возьмите себя в руки! И попрошу без оскорблений, знаете ли. Иначе – за дверь.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А я и не знал, что салподеин – оскорбление. И чего он ко мне пристал... намекает на что-то.

ПРЕМЬЕР. У меня такое впечатление, что мы сейчас не на заседании правительства, а на малышейовых разборках в детском саду. Придите в себя. Положение серьёзней некуда. Или вы хотите, чтобы нас в скором времени слопали, как простых граждан?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А в чём он меня подозревает?

ПРЕМЬЕР. Подозреваю вас только я. В том, что вы проваливаете военную реформу. Где обещанные контрактники в полном объёме? Где всеобщая компьютеризация воинских частей? Где квартиры для семей военнослужащих? Почему до сих пор в армии царит дедовщина? Мне продолжить?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Не надо.

ПРЕМЬЕР. Давно пора поставить, знаете ли, надёжный заслон людоедству. Сколько можно терпеть. Так они скоро и за нас примутся. А я, например, ещё не готов к этому. Кто-нибудь из вас готов?

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. К этому никогда нельзя быть готовым.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ (*со значительным лицом*). Можно сказать?

ПРЕМЬЕР. Нужно!

МИНИСТР ЮСТИЦИИ (*не сразу*). А подумать можно?

ПРЕМЬЕР. Нужно!

Министр Юстиции наливает в стакан воды, пьёт и смотрит в потолок.

ПРЕМЬЕР (*ждёт, что скажет министр Юстиции*). Ну что ж вы, мы вас слушаем.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ. Я думаю.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Нашёл время думать! У нас заседание.

ПРЕМЬЕР. Да, думать надо было до заседания.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ. Много, знаете, дел было по коррупции, по всякого рода злоупотреблениям... Я... когда придумаю что-нибудь, обязательно сообщу.

ПРЕМЬЕР. Да уж, будьте любезны. А пока я вас лишаю министерского кресла.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ. Но я, возможно, уже завтра что-нибудь надумаю.

ПРЕМЬЕР. Хорошо. Завтра и поговорим. Сдайте свой портфель и свободны. И приготовьтесь к тому, что вас запишут в качестве продукта в следующей поставке МКЛ. На всякий случай снимите мерку для пошива деревянного... ой, прошу прощения! Для пошива крафтового упаковочного костюма.

Министр Юстиции с убитым лицом кладёт перед Премьером свой портфель и траурной походкой покидает зал заседаний.

Ваньку тут перед нами решил повалить. Иуда! Военный министр, организуйте слежку за бывшим министром Юстиции. На предмет его причастности к тайному сговору с МКЛ. И возьмите с него подписку о невыезде.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. С огромной радостью!

ПРЕМЬЕР. Радоваться тут нечему. Предлагаю в рабочем порядке создать комиссию для разработки мер по выявлению слабых сторон Бархатного соглашения и дальнейшей активизации переговорного процесса с МКЛ. А параллельно, как негласное дополнение, так сказать, предлагаю действовать в диверсионном порядке. Решительно, но скрытно.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. То есть?

ПРЕМЬЕР. Надо найти добровольца.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Добровольца? За каким хреном? *(Под тяжёлым взглядом Премьера стусивался).* Извините. В каком смысле добровольца?

ПРЕМЬЕР. Надо, чтобы кто-то из людей встал им поперёк горла. Тогда у них возникнет повод искать альтернативу, отказавшись хотя бы на время от традиционной пищи. А там видно будет.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Умно. Не скажу, что это решит нашу проблему, но умно. Даже сверхумно. *(Демонстративно захлопал в ладоши).*

ПРЕМЬЕР. Оставьте эти штучки. Мы не в театре.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. В театре теперь нечему аплодировать. А вы заслужили.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Никогда не видел людоеда. Даже страшно подумать. Какие у него глаза?

ПРЕМЬЕР. А многие наши соотечественники перед тем, как оказаться в его желудке, их видели. Но, увы, сообщить нам об этом уже некому. И если мы не решим нашу проблему, глаза людоеда увидите и вы, уважаемый министр Здоровья. Очень скоро и совсем близко. Когда он насадит вас на вилку и понесёт ко рту.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ *(его передёрнуло).* Не дай, бог! А в какое место они вилку втыкают?

ПРЕМЬЕР. А в какое место вы втыкаете, когда мясо едите?

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Стараюсь в мягкое.

МИНИСТР. Вот вы и ответили на свой вопрос.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ *(ухватился за живот).* И глаза у них при этом, наверное, свирепые?

ПРЕМЬЕР. Про их глаза ничего особенного сказать не могу. Говорят, глаза как глаза.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ. Говорят? Так вы их не видели?

ПРЕМЬЕР. Их никто не видел.

МИНИСТР ЭКОНОМИКИ. А как же вы с ними общаетесь?

ПРЕМЬЕР. Через посредников.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. И кто эти посредники? Тоже людоеды?

ПРЕМЬЕР. Не думаю. Так, кучка нелюдей, готовых служить кому угодно. Видно, им хорошо платят и гарантируют несъедобность.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. И как они выглядят... эти нелюди?

ПРЕМЬЕР. Довольно респектабельно. Все сведения о людоедах от них.

МИНИСТР СЕЛА. Да, говорят, сразу и не подумаешь, что он – я имею в виду людоеда – готов тебя сожрать. Улыбается, дружески жмёт руку. И глаза с виду обыкновенные, как и у всех людей. Просто они смотрят на человека, как человек – на кусок мяса. Или на пирожное. Всё зависит от вкусов, времени суток и от точки зрения. Никто же из нас не испытывает ненависти к хорошо прожаренному куску говядины или, допустим, к тарту. Когда голодные, мы смотрим на них с жадностью, но и почти с любовью. Так и они на людей смотрят. Если человек хороший и является качественным продуктом, глаза у них добрые. Он вас может даже погладить, прежде чем отправит в рот.

МИНИСТР ЗДОРОВЬЯ (*по-прежнему держится за живот*). Это хорошо. Успокаивает.

МИНИСТР СЕЛА. А если попадается им на зуб человек плохой, с дурными наклонностями или, чего доброго, с неприятным запахом, то... (*Вздыхает, разводит руками*). Чего уж тут говорить – сам виноват.

ПРЕМЬЕР. Вот именно. А пока, при всём уважении к людоедам, они смотрят на нас, как на кусок дерьма. И надо положить этому конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.